

Тьма.

Бесконечная, вечная пустота.

Но для Сатору Годзо даже тень смерти не могла заглушить непрекращающееся эхо его мыслей.

"Неужели это все? Конец "сильнейшего"?"

В глубинах его подсознания зародилась кривая улыбка, когда он размышлял о последних минутах своей жизни. Сукана, тот самый человек, которого он когда-то недооценивал, нашел способ победить его, не используя всю свою силу.

Это было почти смешно. Даже жалко...

Дерзость быть побежденным не всей мощью Короля Проклятий, а эволюцией его ограниченной силы, адаптацией к моей собственной силе. Подумать только, он использовал технику Махораги, чтобы развить свою собственную технику проклятий за пределы ограничений.

"Был ли я Сатору Годзё, потому что был самым сильным? Или я был сильнейшим, потому что был Сатору Годзо?"

Гето сказал это однажды, и до сих пор Сатору не может найти однозначного ответа на этот вопрос. Пусть Гето и досаждал ему до самого конца.

В голове промелькнули образы: дни тренировок, сражения, обучение учеников. Он вспомнил, как люди с трепетом и страхом шептали его имя. Они говорили: "Он - Годжо, он непобедим". Но разве это все, что с ним было связано?

Он вспомнил Юдзи, Мегуми и Нобару, своих учеников, которые восхищались и, в какой-то мере, боялись его. Их рост, выбор, который они сделали, - повлияла ли на них его сила? Или человек, стоящий за этой силой?

"Определяться только силой... - размышлял он, - это пустое существование".

Возможно, дело было не в том, что он самый сильный.

Может быть, дело в том, что он сделал с этой силой. Трудности, которые он преодолел, люди, которых он вдохновил, изменения, которые он принес в мир дзюдзюцу.

Это и было показателем Годжо Сатору.

А не только его Безграничность или Шестиглазость.

Его охватило чувство спокойствия. Вопрос о личности и силе, переплетенные в танце, вдруг стали не так важны, как раньше.

Сила ли определяла человека, или человек определял силу, но по-настоящему важным было наследие, оставленное после себя.

И когда тишина пустоты обняла его, последней мыслью Годзо Сатору была не его сила, а надежда на то, что его ученики будут продолжать жить и делать мир лучше, даже без "сильнейшего" рядом с ними.

[RWBY.]

[Атлас.]

Великолепный город Атлас сверкал под бледным светом луны, его высоченные небоскребы и передовые технологии делали его жемчужиной Ремнанта. В самом грандиозном особняке - поместье Шни - разворачивалась сцена, одновременно обыденная и необычная.

В комнате, украшенной тончайшими шелками и драгоценными камнями и металлами, тишину нарушил крик. Это был крик новорожденного, нового члена престижной семьи Шни.

Уиллоу Шни с изможденным, но светящимся от материнской любви лицом прижимала к себе младенца, пытаясь успокоить его крики.

Стоявший в нескольких шагах от нее Жак Шни наблюдал за происходящим с присущей ему холодной отстраненностью. Он подошел к кровати, но не для того, чтобы взять на руки своего первенца, а для того, чтобы внимательно рассмотреть ребенка, который станет наследником компании Schnee Dust Company, его наследником.

Ярко-голубые глаза ребенка встретились с глазами Жака, и на долю секунды Жак почувствовал в них небывалую глубину, заставившую его сделать шаг назад.

Прочистив горло, Жак заметил: "У него определенно внешность Шнее. Как вы его назовете?"

Уиллоу посмотрела на своего сына, чувствуя в нем что-то уникальное, что-то, что она не могла определить. Она тихо прошептала: "Алебастр, Аласбастр Шни".

Жак поднял бровь. "Необычный выбор. Почему именно Алебастр?"

Она твердо встретила его взгляд. "Алебастр означает чистоту и защиту. Наш сын будет нуждаться в том и другом в мире, в котором он родился".

Жак фыркнул, его высокомерие стало очевидным. "Благодаря фамилии Шнее и империи, которую он унаследует под моим руководством, у него будет более чем достаточно средств для защиты".

Но Уиллоу это не убедило. Она чувствовала необъяснимую связь с Алебастром, как будто он был возрожденной душой. "Для защиты нужно не только богатство и власть, Жак".

Он отмахнулся от нее взмахом руки. "Глупости. Ты, как всегда, слишком сентиментальна". С последним насмешливым замечанием Жак повернулся на каблуках, и мягкий звук его начищенных ботинок по роскошному полу эхом разнесся по огромной комнате. Перед выходом он сделал паузу: "Я проверю его через несколько месяцев, чтобы убедиться в его успехах". Наследник империи Шни должен быть не менее образцовым".

Уиллоу просто смотрела, как он уходит, а затем, глубоко вздохнув, вернула свое внимание к только что родившемуся сыну и притянула его к себе, напевая колыбельную, когда на Атлас опустилась ночь.

[Три недели спустя.]

В элегантной детской поместья Шнее Алебастр, которому было всего несколько недель от роду, лежал в своей кроватке, завернутый в мягкие, роскошные ткани. В его поведении чувствовалась необычная неподвижность, как будто он глубоко задумался.

Это объяснялось тем, что в глубинах сознания младенца Алебастра назревала буря. Сознание Годжо Сатору начало пробуждаться из глубин младенческого ада.

Внезапно его ярко-голубые глаза расширились от осознания происходящего.

'Подождите-ка... Почему все такое... большое? И почему мне кажется, что я... я лежу?

Он попытался пошевелиться, но обнаружил, что его конечности плотно обхвачены, что делает их несколько бесполезными. С большим усилием ему удалось наклонить голову настолько, что он смог разглядеть себя.

Почему я завернут как суши-ролл?

Он попытался озвучить свои мысли, надеясь хоть с кем-то пообщаться, хоть как-то разобраться в ситуации. Вместо этого получилось лишь очаровательное, но растерянное бульканье.

В комнате послышалось тихое хихиканье. Это была Уиллоу, зашедшая проведать Алебастра.
"Оу, ты пытаешься говорить, милый?"

Сатору уставился на нее в полном недоумении. "Милая? Кого она называет милым?
Подождите... она говорит со мной?"

Он предпринял еще одну попытку общения, но она превратилась в серию забавных лепетных звуков. Уиллоу хихикнула, найдя эти звуки совершенно очаровательными. "О, ты просто очарователен!"

'Очаровательный?! Я Годжо Сатору!' - возмущенно подумал он, но его мысленное заявление было прервано внезапной отрыжкой.

Уиллоу ворковала: "Ой! У кого-то газы".

Его щеки вспыхнули розовым румянцем, что придало ситуации еще большую миловидность.
'Газы? Это унижительно".

Почувствовав беспокойство, Сатору попытался пошевелить руками, но они по-прежнему были плотно обмотаны. Его попытки освободиться привели лишь к тому, что пелена затянулась еще туже. 'Отлично... самый сильный, но от детского одеяла мне не убежать'.

Его попытки продолжались, каждая из них была более оживленной, чем предыдущая, что заставило Уиллоу от души рассмеяться. "О, Алебастр, ты такой живой малыш!"

Наконец, одним мощным толчком ему удалось освободить одну руку, и он триумфально взмахнул ею в воздухе. Но, к его ужасу, эта победа была недолгой, так как Уиллоу аккуратно запеленала его, чтобы ему снова было уютно и комфортно.

Наклонившись, она нежно поцеловала его в лоб. "Ты слишком мил для слов, мой маленький воин".

'Воин? Ну, по крайней мере, это она правильно поняла', - подумал Сатору, чувствуя некоторое успокоение от того, что даже в его нынешнем состоянии другие могут видеть его величие.
'Алебастр... хм, интересно, меня называли в честь минерала или цвета?'

[Несколько часов спустя.]

Лежа в богато украшенной кровати, окруженной плюшевыми игрушками и мобилями, Годжо Сатору, а точнее, Алебастр Шни, оценивал ситуацию.

'Хорошо, начнем с самого начала'.

Окружающая обстановка была непривычной. Изящные портьеры, мягкие стены пастельных тонов, игрушки всех форм и размеров создавали картину роскоши, но одновременно и крайней непривычности.

'Это точно не Токио'.

Это место выглядело более... европейским, если так можно выразиться. К тому же он не чувствовал приливов энергии проклятий, которые обычно окружали Токио круглые сутки.

Он уже знал, что был ребенком. Как ни больно было это признавать, но, к счастью, это было заболевание, которое легко устранилось длительным отдыхом в течение 16-18 лет.

Однако вопрос оставался открытым... Был ли он самым сильным ребенком?

Он чувствовал, как течет его проклятая энергия, как работают его Шестиглазые, но, учитывая, насколько странной была ситуация, в его интересах было проверить, как все работает.

Сделав глубокий вдох, он попытался сосредоточиться внутри себя, ища ту силу, которая всегда была его частью. И, как он и ожидал, он почувствовал ее там, в потоке энергии своего проклятия, такой же мощной и яростной, как он помнил.

Правда, там было что-то другое... не то, чтобы плохое, но что-то настолько другое, что это заслуживало внимания.

Довольный полученными результатами, он вновь обратил внимание на окружающую обстановку. Не только комната была чужой, но и сама энергия окружающего мира.

Она была очень похожа на то, что изменилось в нем самом. Похожая на энергию проклятия, но в то же время совсем другая, она ощущалась как запертая... за каким-то барьером.

Сатору внутренне усмехнулся. Конечно, он понятия не имел, где находится и как это произошло, но пока все выглядело не так уж плохо, более того, у него даже был потенциал.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/99379/3393371>